

По рождению – она мужчина. В ее жестах, одежде, мимике и прическе – она женщина.

Ее не обслуживают в магазинах и ресторанах. К ней не прикасаются доктора. Место где она живет известно всему району, а дом помечен крестом. Ее хороший день - когда пройдя по улице ее не остановят, не дернут за подол сари или не оскорбят дурным словом.

Эпатажная, харизматичная, притягательная. Только что, идя с ней по рынку, я видела, как она рассыпала гору мандаринов – за то что их продавец показал не нее пальцем. Десять человек - друзья "жертвы", увидев это, топали ногами и ругались, и она отвечала им, как это может только женщина: высовывала язык, поднимала подол сари до неприличной высоты и плевалась.

Встретиться с хиджрой – было моей давней мечтой. Их община, их тайны, их традиции для меня часть вечного Завета Индии. Часть сакрального. Часть неизменного.

Несколько дней назад, гуляя по ночному Катманду, на входе в Тамель, где стоят девушки, продающие себя мужчинам я поклонилась одной из них, как Богине. И та побежала за мной чтобы ответить тем же.

Сегодня я у нее дома - там, куда приходят лишь неприкасаемые. Она суетливо готовит обед, отвечает на звонок любовника а затем вдруг бросает все дела, выключает кипящий рис и садится напротив меня.

Красное расшитое цветами сари, черные завитые волосы, острые плечи, мужской рельеф рук и десяток тонких серебряных браслетов на запястье. Она не пытается быть кем-то кроме себя – женщины, в теле мужчины. Не прячется за природой – а показывает себя изнутри. Такой – какая она есть – мягкой, эмоциональной, женственной. Она откидывает волосы, трогает меня за руку как подруга, и говорит густым чуть хрипловатым голосом о жизни хиджры – женщины в теле мужчины.

Лакшими – не ее настоящее имя.

"Покажи мне что настоящее" – говорит она мне, поправляя прическу.

Всюду развеян аромат индийских благовоний. Мы сидим напротив друг друга на красных шелковых стульях и я тону в мире, такой притягательно густой женственности, которой еще не знала.

Она задает мне кучу вопросов о России, о Москве о том почему я здесь. А затем дарит мне комплимент, о котором я смущаюсь написать даже в собственном жж -)

Потом включает музыку и говорит: "Лучший способ понять друг друга – это танец".

Так мы танцуем под какой-то боливудский саундтрек, она учит меня двигать руками, и говорит что я виляю бедрами как вульгарная женщина с улицы. Что по ее мнению есть очень хорошо.

Какая разница между хиджрой и гомосексуалистом? – спрашиваю ее, о чем думаю с самого начала.

- Мы другие. - Говорит она и выпускает полу прозрачный дымок из густо накрашенных губ.

Хиджра – это не транссексуал. Это религия, традиция и история. Если ты думаешь что я женщина – ты ошибаешься. Если ты думаешь что я мужчина – ты ошибаешься тоже. Хиджра – это третий пол. В Ману Смрити – священных текстах Индии – нас называют тритья-пракрити. Мы не мужчины - гомосексуалисты. Быть гомосексуалистом – это значит быть мужчиной, которому нравится секс с другими мужчинами. А мы думаем не о сексе. О душе.

В старой Индии – мы благословленные богом. В новой – мы занимаемся проституцией, не имея возможности получить нормальную работу, уважение или хотя бы безличное отношение.

Но весь парадокс в том, что ни пол, ни секс для нас не имеет большого значения. Ты можешь сказать хиджра – когда увидишь меня одну. Без мужчины, без сексуального акта. Просто идущей по улице.

Мы не скрываем себя. Мы содержание в форме. Мы вносим хаос там где он нужен... хаос ведь нужен повсюду. Чтобы разбить формы.

- Что может хиджра?

- Быть агрессивной, быть смелой, быть смешной - высмеивая тех, кто смеётся над нами. Люди – злые животные, без мира внутри. Нас спасает религия. Помнишь Шикханди из Махабхараты? Религия никогда не высмеивает нас. В религии нет дискриминации. В религии мы часть Махабхараты.

- Ты общаешься со своими родителями?

- Да. Мне повезло – моя семья богата. Моя мать и отец очень прогрессивны. Чудом и любовью моей матери я получила лучшее частное образование Индии и смогла уехать в Европу, в Лондон, где я могла чувствовать себя свободной.

Сначала, приехав туда, гуляя по кварталам где живут гомосексуалисты, тусуясь в их клубах, я чувствовала себя чужой. Красивая одежда, макияж, идеальная белая кожа, туфли на высоких каблуках. Первый месяц я была потерянной и не достаточно яркой среди них. Они же не обращали на меня никакого внимания. Сначала я думала что это из-за моего цвета кожи, нетипичной внешности, или просто потому что я была азиаткой. Но потом оказалось они думали, что я женщина.

В Европе каждая первая женщина – уже почти мужчина. Современные женщины не хотят быть женщинами. А в Индии – быть женщиной, значит быть богиней. Что ж у моего путешествия был счастливый финал. Я быстро поняла что нужно делать и стала индийской королевой. Меня любили, меня добивались. Ко мне приходили ученики, чтобы учиться как ходить, как держать спину, как быть женщиной с телом мужчины. Я была их гуру.

- А сейчас ты в Непале, живешь здесь из-за своего любовника и ругаешься с продавцом мандаринов. Зачем?

- Индия и Непал... Не такая уж большая разница. Я вернулась домой, потому что я кое-что поняла. Хиджра – это не женщина в теле мужчины. Хиджра – это часть Индии. Ее сакральной тайны. Без моей страны – нет меня. Без меня – нет Индии. Я вернулась домой.